

Писатель и его утопия

В издательстве «Иностранка» вышел новый роман **СЕРГЕЯ БОЛМАТА**. Сергей Болмат стал модным автором, появившись пару лет назад со своим первым романом «Сами по себе», красивой и умной книжкой, замаскированной под боевик. Теперь в издательстве «Иностранка» вышел его второй роман — «В воздухе».

Болмат написал неспешный, весьма изысканный текст, практически лишенный сюжета. Тем не менее в нем две сюжетные линии, мужчины и женщины, которые идут параллельными путями и пересекаются лишь в финале. Принципиально приватный человек, Сергей Болмат избегает шумихи, не дает интервью, сидит в Дюссельдорфе и пишет книжки. Или рисует картины. У романа «В воздухе» (в немецком переводе он называется «Новые русские») есть все шансы стать одной из наиболее ярких книг этого года.

— Как из Европы выглядит современная русская литература?

— Русские книжки выходят в Европе, русские авторы переводятся, в поле зрения всегда пять-шесть русских имен, а то и больше. Но у новой русской литературы пока нет такого авторитета, какой есть у американцев, англичан, французов, у местных авторов, у англоязычных или франкоязычных авторов из других стран. По большей части интерес к современной русской словесности носит этнографический характер: каково у них там? Они тоже слушают Перл Джем, оказывается... А где же духовность? Где живописные русские страдания? Это, конечно, не самый выгодный момент в истории русской словесности, даже мучительный, наверное... Вся русскую литературу, видимо, нужно заново изобретать.

— В твоих текстах большое место занимают путешествия и перемещения в пространстве. Это важно для ощущения свободы?

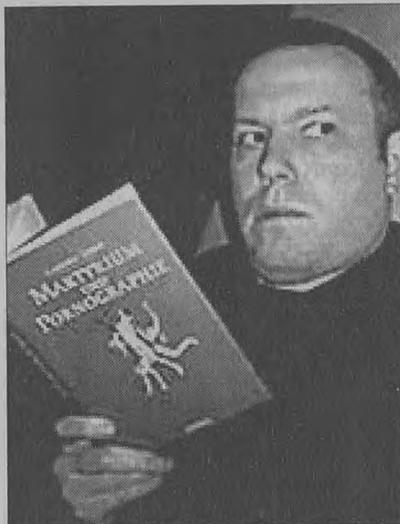
— Мне все время нужно куда-то перемещаться. Это и есть свобода, максимальная свобода в пред-

лагаемых обстоятельствах. Мне кажется, нужно просто по возможности двигаться туда, куда хочется, встречаться с людьми, жить в свое удовольствие. Мне кажется, это важно в социальном смысле: быть счастливым и свободным, это важно для общества, оно становится здоровее, когда в нем больше счастливых и свободных людей. Моя утопия — открытые рынки труда, отсутствие границ, доступность информации, свободная конкуренция при минимуме государственности.

— Как теперь ты оцениваешь свою первую книжку, выпущенную в Ad Marginem с обложкой, где изображены кетчуп и тампакс? Удивила тебя реакция читателей и критики или нет?

— Обложка красивая, но мне многие говорили, что не купили книжку из-за этой обложки, особенно женщины. Так что я не уверен, что это был очень уж удачный ход. Критики почти никогда ничего и ни в чем не понимают, это редчайшее исключение, когда критик пишет не о себе, а об окружающей действительности. Я много чего узнал о людях, написавших про мой роман. Кто-то высчитал, что если название книги сократить в аббревиатуру, то получается СПС, «Союз правых сил», и на основании этого фишга сделал вывод, что роман заказан Путиным. Три-четыре статьи были по-настоящему хорошие, интересные. Немецкая критика, итальянская тоже были такие же контрастные, но уже без русского наката. Хотя с итальянскими журналистами я несколько раз сходилась по поводу идеалов и цинизма. Самым экзотическим было чье-то сравнение с Брюсовым — оно же, вероятно, и самое нелепое.

— Директор издательства Ad

Marginem Александр Иванов говорил, что ты отказался публиковать второй роман в издательстве, публикующем Проханова. Несмотря на то, что Ad Marginem «открыли» тебя...

— Не могу объяснить как, но мне действительно кажется, что от издания Деррида вполне логично перейти к изданию Проханова. Левая традиция? Не знаю. Современные философы, конечно, не такие сталинисты, как Сартр или Кожев, но кажется, что это стоит современной левой мысли некоего интеллектуального усилия: существовать в разнообразном мире, с разными точками зрения и системами жизни, находиться в диалоге практически, а не только теоретизируя по поводу Другого — и с настоящими оппонентами, а не со своими друзьями. В левой традиции есть известная нетерпимость к конкурентам. Иногда она вырывается на поверхность в виде террора, иногда — в виде интеллектуальной цензуры, иногда — в виде популизма, иногда — в виде аутизма.

— Какие задачи ты ставил перед собой в первом романе? Какие во втором? Как ты их строил?

— В первом романе были задачи сугубо технические: сделать ув-

лекательное чтение. Не больше тридцати сцен, каждая сцена компактная, основа ее — диалоги, основа диалога — дискуссия, полемика, спор. Плюс непременно действие, помимо диалога, чтобы не было сплошной говорильни. Сначала ударная сцена, потом все объяснения, и потом до самого конца по возможности крещендо. Темп, и ничего лишнего. Во втором все было наоборот: там текст настроен, как fuga, то есть две темы начинаются, развиваются, перекликаются. Эти две темы связаны, в свою очередь, с определенными идеологическими проблемами, во втором романе взаимодействие идей до некоторой степени определяет последовательность эпизодов, это, скорее, роман-рассуждение.

— «В воздухе» прямо противоположен роману «Сами по себе». Почему тебе было важно сделать именно такой медленный и бедный на крупные события текст?

— Мне просто сделались интересными медленные фильмы, небольшие события, книжки, в которых почти ничего не происходит (Итало Звево, Эльке Натере), оттенки, отсутствие истории, рекреация, специфическая неяркая чувственность, неотформулированность. Мне показалось, что про такие вещи сложно написать достаточно отчетливо. Я попробовал.

— Как устроен роман «В воздухе»?

— Во втором романе меня занимало взаимодействие идеологии и истории, рассуждения и сюжета. Идеальным представляется роман, где вообще никакой идеологии нет, только действие. Такой я старался сделать первую книжку. Второй роман написан на тему взаимодействия идеологии и истории на самом что ни на есть повседневном, обыденном материале. В повседневной жизни мало места для актуальных драм и очень много — для воображаемых, виртуальных, для мечтаний, планов, подозрений, теорий, «взглядов». Лич в

своем последнем фильме показал, как мир иллюзий разрушает человека. Я хотел написать о том, как они мирно сосуществуют. Основное рассуждение, неявный ход которого формирует текст — рассуждение о количестве иллюзорного в обществе и последствиях этой аккумуляции. Оно постоянно вылетает в действие и является общим для обеих сюжетных линий. Линии эти совершенно независимы друг от друга, только время от времени резонируют общими подробностями в воспоминаниях персонажей или аналогичными ситуациями, в результате чего должно было, по моему замыслу, возникнуть между ними известное напряжение, притяжение, поскольку больше ничего общего в них нет. Сюжет движется в определенном направлении, и рассуждение тоже движется постепенно в сторону вывода, но при этом не столько за счет конфликта или полемики (я старался сделать их как можно менее заметными), сколько за счет «монтажа аттракционов». Так, доля возможных, виртуальных текстов во втором романе в несколько раз превышает объем актуального текста, и очень много «событий» возникает как раз в рамках этого несуществующего романа. Читатель получает как бы несколько книжек в одной.

— А что дальше? Будешь писать третий роман?

— Есть кое-какие наброски... Хочу книжку рассказов закончить. О результате стараться не думать. Как сказал Джон Кейдж, мир идей — это мир идей, а мир вещей — это мир вещей. Время, проведенное в мечтаниях о новом сочинении, — это время, отобранное у сочинительства. Идеи — сами по себе, рукописи — сами по себе. Планов, рисунков, чертежей я делаю много. И очень рад, когда ожидания совпадают с результатом.

БЕСЕДОВАЛ
ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ